

Д. А. Смирнов

**МУЖЧИНА «НЕИСТОЩИМОГО ТЕРПЕНИЯ»
И ЕГО АНГЕЛЫ В ЖЕНСКОМ ОБЛИЧЬЕ:
ВАЛЬТЕР БЕНЬЯМИН О ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ
СВОЕЙ ЖИЗНИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

Книги и девки сильно омолаживают.
Вальтер Беньямин

Представления Вальтера Беньямина (1892—1940) о положении женщины в условиях товарного хозяйства и прежде всего его оценка проблемы проституции в контексте формирования капитализма, анализ которых был дан нами в одной из наших предыдущих работ [2], не ограничивают взгляды известного немецкого мыслителя по гендерному вопросу и не определяют многообразие его отношений с женщинами. Об этом позволяет говорить даже обретшая уже определенную степень легендарности история любовной связи Беньямина и Аси (она же Анна) Лацис, ради встречи с которой он специально приехал в Москву в декабре 1926 г., в столицу едва оправившейся от революции и гражданской войны страны, заявлявшей о себе как о «новом мире».

Впрочем и разноплановость многих событий, связанных с этой поездкой, рассказ о которых представлен в «Московском дневнике» Беньямина, не позволяет видеть его отношения с Лацис единственно определяющими его поездку в Москву. Побудительные мотивы, а также перемены, произошедшие в жизни мыслителя после знакомства со столицей «нового мира», не могут быть однозначно объяснены динамикой его сложных отношений с Лацис.

Колоритная личная жизнь Беньямина, всегда находившаяся в тесной связи с научной деятельностью, выходит далеко за рамки истории его любовной связи с Лацис. Критический метод, который требовал использовать в научной работе сам Беньямин, «глядя историю против шерсти», заставляет пристально взглянуть и на его отношения с женщинами. Это позволяет увидеть глубину их влияния на формирование конкретных научных представлений Беньямина о месте женщины в обществе, политике и истории, а также понять степень их воздействия на изменения в идейном мире Беньямина в целом.

«Московский дневник», вобравший в себя большую часть впечатлений Беньямина о Советской России, на сегодняшний день сформировал во многом искаженный образ частной жизни мыслителя. Это относится прежде всего к отечественной историографии. Основу этого образа составляет история драматических отношений Вальтера и Аси, безответной любви немецкого интеллектуала к «большевичке из Риги». Сохранению такого образа способствует то, что значительная часть материалов личной жизни Беньямина, прежде всего письма, не издана на русском языке и потому неизвестна в России. Поэтому в отечественной историографии отсутствует документальная база для критики этого мифологизированного под влиянием «Московского дневника» образа Беньямина и для детального изучения роли женщин в частной жизни и научной работе мыслителя. Впрочем, и в западной историографии многие десятилетия история отношений Беньямина с отдельными женщинами и их место в жизни мыслителя были почти неизвестны. Их имена, национальности и род занятий формировали область догадок для его современников и исследователей.

Между тем необходимость критического подхода в России к оценке роли женщин в жизни Бенямина для понимания его идей доказывают такие факты, как история семейной жизни мыслителя и его знакомства с известными женщинами своего времени, к примеру, с Ханной Арендт, Гретель Адорно, Гизелой Фройд, Адриенной Монье, Сильвией Бич, Маргарет Штеффин, Анной Зегерс, Еленой Вайгель, Хильдой Беньямин. Эти знакомства способствовали формированию его материального и духовного мира, а также нашли отражение в жизни женщин, входивших в круг его общения.

Среди вопросов, решение которых Беньямин искал во время общения с представительницами своего времени, была социально-философская проблема места женщины в жизни мужчины, осмысленная им в историческом контексте. При этом круг знакомств, повлиявших на формирование представлений Бенямина о данной проблеме, был совершенно конкретен. Принципиальные изменения в оценке места женщины в жизни мужчины происходили у Бенямина на фоне проблем семейной жизни с Дорой Софи Поллак, в результате безответной любви к Юле Кон и под влиянием отношений с Асей Лацис. Женщины стали восприниматься им именно как отдельные образы, вне стремления овладеть ими и вне своих семей. Сформировавшееся у него представление о самодостаточности женщин помогало ему оправдывать ограниченность собственных возможностей заботиться о них и создавать домашний очаг типичного буржуа. Фланерство и семейные связи оказались в свете этого несовместимыми, что Беньямин и доказал в своих текстах в 30-е гг., где рассматривалась проблема фланера.

Отдельные штрихи такого решения проблемы места женщины в жизни мужчины предлагались Бенямином в его различных работах и дневниковых записях на протяжении 20-х гг., когда и проходило развитие активной стадии его отношений с Дорой, Юлой и Асей. Но в концентрированном виде рассуждения по этому поводу можно найти в его работах и архивных материалах начала 30-х гг., времени в его биографии довольно драматического, отразившего не только проблемы личной жизни, но и критические моменты политической, социальной, экономической истории этой эпохи.

Чрезвычайно активная жизнь Бенямина не позволяет однозначно определить момент, ставший поворотным в его осмыслении проблемы места женщины в жизни мужчины. Однако, как это часто происходит, он оказался связанным с обычной дружеской беседой, в ходе которой Беньямин обозначил некоторые штрихи нового философского образа отношений мужчины и женщины, взглянув на проблему в контексте собственной личной жизни.

Дневниковые записи, относящиеся к маю — июню 1931 г., содержат пересказ беседы Бенямина с коллегами Эгоном и Гертой Виссингами, у которых он гостил в то время, предметом которой стали его любовные опыты: «Мне первый раз в ходе этого разговора стало ясно, что каждый раз, когда большая любовь овладевала мной, я так основательно и сильно менялся, что был очень удивлен необходимостью сказать себе: мужчина, который говорил такие невероятные вещи и воспринимал подобное непредвиденное поведение, был я. Это основано на том, что настоящая любовь делает меня похожим на любимую женщину, и я радовался, как это настойчиво утверждала Герта, тому что, конечно, она представляла это как действительно характерное для женской любви. Наиболее мощным было превращение в похожее — такое необходимое, что действительно обеспечивается в церковном понимании через таинство брака, так как ничто не делает людей более похожими друг на друга, чем жизнь друг с другом в браке. Короче, наиболее сильным был этот опыт в моей связи с Асей, так что я впервые многое в себе открыл. Но в целом три больших любовных переживания моей жизни определяют это не только со стороны ее течения, периодизации, но и со стороны пережитого. Я узнал трех разных женщин в жизни и трех разных мужчин в себе. Писать мою историю жизни — значит представлять сооружение и разрушение этих трех мужчин и компромисс между ними. Можно было бы сказать также: триумвират, который представляет сейчас моя жизнь» [12, S. 427]. В «трех больших любовных переживаниях»

жизни Бенямина ясно просматриваются его отношения с Дорой, Юлой и Асей, хотя мотив «души трех других женщин» встречался у Бенямина много раньше в 1914 г. в размышлениях об отношениях с Гретой Радт, еще одной, четвертой на тот момент [6, S. 245].

Знакомство Вальтера с Дорой произошло в далеком 1914 г. еще на фоне развития любовных отношений у каждого из них. Она была тогда замужем, а он обручен с Гретой, но тем не менее уже в 1917 г. Вальтер и Дора поженились. Однако спустя несколько лет с обеих сторон наступило охлаждение. И фактически отдельная жизнь, а затем развод Вальтера и Доры были обусловлены прежде всего отрицанием традиционной семьи, в рамках которой молодожены, несмотря на рождение сына, не стремились оставаться.

По замечанию друга Бенямина, известного философа и теолога Гершома Шолема, впоследствии много внимания уделявшего сохранению его идейного наследия, брак Вальтера уже «...весной 1921 года оказался в разрушительном кризисе, имевшем для жизни Бенямина роковые последствия. После новой встречи он страстно увлекся молодой художницей, сестрой друга своей молодости, Юлой Кон. Любовь осталась безответной, однако долгие годы она была как бы неназванным средоточием его жизни» [3, с. 189]*. При этом бывшие супруги сохраняли дружеские отношения в течение 30-х гг., когда Дора, занимавшаяся публицистикой и переводами, даже помогала Вальтеру материально. В 1941 г., уже после ухода Бенямина из жизни, она писала Шолему: «Смерть Вальтера оставила вакуум, который, однако, в будущем медленно поглотит все мои надежды и желания» [18, S. 91].

Неприятие традиционных семейных ценностей, выразившееся в отказе от семейной жизни, стало для Бенямина продолжением борьбы с нормами капиталистического общества. Воплощением этой борьбы была для него Юла Кон, с которой он познакомился еще в 1912 г. Впрочем, в 1921 г. она отвергла Вальтера и вышла замуж за его хорошего знакомого, ученого-химика Фрица Радта. В дальнейшем молодые супруги сохраняли добрые отношения с Бенямином. Он, в свою очередь, спустя десять лет, именно в период тяжелой депрессии вспомнил именно о Юле Кон. Доказательство этому можно найти в нескольких его опубликованных работах и рукописях, относящихся ко времени пребывания Бенямина на Ибнице в 1932 г. В одном случае Юла присутствует в зарисовке «Первый сон» из «Ибницевской серии», в другом — этот же сюжет с ней как с «подругой» позволяет Бенямину сделать набросок своего рисунка «любовника» в коллекции «Автопортретов видящего сны». И наконец, дневниковые заметки «Испания 1932 года» сопровождает «еще один сон (в Берлине, некоторое время перед поездкой)» о Юле, почти дословно повторяющий «первый».

Основу сюжета составляет сон о «чем-то среднем между горным путешествием и прогулкой» с Юлой на вершину, которая оказалась горным плато, украшенным «широкой улицей со старинными и довольно высокими домами по обе стороны», где они сели в машину, чтобы спуститься вниз, и Вальтер «наклонился к Юле, чтобы ее поцеловать»: «Она дала мне не уста, а щеку. И в то время, когда ее целовал, я заметил, что эта щека была из слоновой кости и всю ее заполняли черные, искусно выделанные шпателем бороздки, которые захватили меня своею красотой» [11, S. 404].

Разрыв с нормами капиталистического общества, включая нормы семейных отношений, сопровождался у Бенямина поиском новых форм общения с женщинами, которые соответствовали «новому миру», приходившему на смену капитализму. Она

* Статья Гершома Шолема была предпослана эссе «Agesilaus Santander» Бенямина и представляла, по сути, его собственный комментарий к нему. К сожалению, у нас нет немецкого оригинала этой публикации Шолема и мы обращаемся к ее русскому переводу, представленному в журнале «Иностранная литература», где текст эссе фактически объединяет два известных на сегодняшний день варианта «Agesilaus Santander». В связи с этим нет возможности сказать, лично ли Шолем объединил для своей публикации варианты «Agesilaus Santander», опубликованные в Собрании сочинений Бенямина, или же это является результатом работы его редакторов.

концентрировала энергию этого мира, передавала ему ее. Это Вальтер ярко представил в зарисовке «Оружие и боеприпасы», вошедшей в его самый известный сборник малой прозы «Улица с односторонним движением», названной, как следует из эпитафия, именем «инженера, который проложил ее в авторе», именем Аси Лацис, где он рассказал о незванном визите к Лацис в 1925 г.: «Чтобы посетить подругу, я побывал в Риге. Ее дом, город, улица были мне незнакомы. Никто не ждал меня, я не был ни с кем знаком. Два часа я шел один по улицам. Так я ее и не увидел снова. Из двери каждого дома вырывался свет пламени лампы, искрился каждый камень на углу и каждый трамвай подъезжал как пожарная команда. Она могла бы выйти из ворот, завернуть за угол и сесть в трамвай. Но из нас двоих я должен был любой ценой стать первым, кто увидит другого. Поскольку она бросила бы на меня фитиль своего взгляда, я должен был бы взлететь как склад боеприпасов» [10, S. 110].

Ася привлекала его все сильнее и в 1926 г. он отправился в Москву: формально для знакомства с «новым миром». Беньямин намеревался открыть свои чувства Лацис, ставшей для него женским олицетворением этого мира. Однако поразившая его за несколько лет до этого Ася встретила Вальтера довольно прохладно.

Она получала наслаждение от того, что влюбленный в нее мужчина готов отказаться от своих идей, а главное от свободы воспринимать новые идеи в обмен на ее согласие связать с ним свою жизнь, посвятив ее борьбе за строительство коммунизма. Но Ася не давала согласие. По воспоминаниям знакомых с ее дочерью Дагмарой, та рассказывала, как ее мать довольно негативно отзывалась о Беньямине. Дагмара говорила, «...что он был влюблен в ее маму, что мама издевалась над ним за его спиной еще больше, чем в глаза. Она, например, уверена, что мать никогда в близкие отношения с Беньямином не вступала не потому, что ей это было трудно из-за Райха. Анна как-то сказала: “Всякое было, но с ним [Вальтером Беньямином] не спала, сама не знаю почему”». По воспоминаниям современников, Лацис его «по-настоящему не оценила, потому что его духовным миром не интересовалась. Она ценила его отношение к ней, то, что он ее идеализировал» [1, с. 171].

Беньямин чувствовал это, не понимал ее поведение и глубоко переживал, что нашло отражение в «Московском дневнике». По-видимому, все это в определенной мере обусловило и его отказ от вступления в компартию, по поводу чего он много размышлял в Москве. В 1929 г. Ася приехала в Берлин для работы в посольстве. Это ускорило развод Вальтера с Дорой, но не смогло помочь ему удержать Асю.

Спустя год она вернулась в Москву, а Беньямин предпочел судьбу фланера и в интеллектуальной деятельности, и в личной жизни. Не только семейная жизнь, но и весь комплекс сексуальных отношений находятся для фланера под большим вопросом, как это представлено в концепции мыслителя. И Беньямин доказывал это своей личной жизнью. По словам Шолема, проблемы Беньямина в отношениях с женщинами были вызваны тем, что они в общении с ним каждый раз вынуждены были преодолевать воздействие явно более сильной интеллектуальной стороны личности и не видели в нем только мужчину: «Дора, которая была очень чувственной женщиной, говорила, что его духовность мешала его Эросу. Освобождение из его духовного мира, которым она еще долго оставалась охваченной, очень тяжело далось ей и вызвало полный переворот в ее жизни. Я говорил позже еще с несколькими женщинами, которые очень хорошо знали Беньямина лично, одной из них он сделал предложение в 1932 г. Все они подчеркивали, что Беньямин не притягивал их как мужчина, но какое сильное впечатление или даже восхищение оставили у них его ум и беседы с ним. Одна из его близких знакомых говорила мне, что он вовсе не существовал для нее и ее подруг как мужчина, им вообще не приходила мысль, что в нем имеется такое измерение: “Вальтер был, так сказать, нетелесный“» [17, S. 122].

Итог своих отношений с «тремя разными женщинами» — Дорой, Юлой, Асей Беньямин попытался подвести во время беседы с Виссингами в 1931 г. Но лишь спустя несколько лет Беньямин представил более глубокое перспективное понимание

особенностей истории своих любовных связей, очевидно в том числе под влиянием впечатлений от окружавших его кризисных тенденций в политической, социальной и экономической жизни. Это понимание может рассматриваться как преодоление проблем в общении с женщинами, осмысленное философски в свойственном ему, по словам Шолема, «сочетании редкой проникновенности мысли, дара ее диалектической остроты со склонностью к фантастическим теориям» [3, с. 186].

Приступая в своем очерке «Вальтер Беньямин и его ангел» к объяснению «в высшей степени герметичного текста» мыслителя «Agesilaus Santander», Шолем подчеркивает прямую связь сюжета эссе «Agesilaus Santander» с сюжетом картины «Angelus Novus» Пауля Клее, под влиянием которой Беньямин находился на протяжении нескольких десятилетий, что нашло отражение во многих его текстах [3, с. 187]. Название эссе, к тому же известного в двух редакциях, по мнению Шолема, составившего из них для своей публикации единый текст, является анаграммой Angelus Satanas, а представленная в нем история явного и тайного имен, которые по еврейской традиции были даны Беньямину при рождении, позволяет ему раскрыть сюжет о двух ангелах, сопровождавших мыслителя по жизни, как это принято у благочестивых евреев, с момента возмужания, когда они узнают свое второе, тайное имя. Однако, раскрывая сюжет, Беньямин делает оговорку, определяющую дальнейшие рассуждения мыслителя о роли женщин в его судьбе: «Но так как это возмужание в жизни может случаться больше одного раза и, возможно, тайное имя остается одинаковым и неизменным только у благочестивых, то тому, кто не является им, перемена его может вдруг открыться с новым возмужанием. Так у меня. Поэтому оно остается ничуть не менее значительным именем, которое теснейшим образом связывает жизненные силы и которое нужно оберегать от непосвященных» [9, S. 522].

Критичность к своему благочестию и в то же время уверенность, что каждый раз, обретая имя, он будет сохранять почтение к новому, измененному имени, к новому избранному пути, словно отражают отношение Беньямина к своей жизни на разных этапах и в разных ее проявлениях, включая частную жизнь и общение с женщинами. Каждая из них тесно связана с отдельным этапом его жизни, который олицетворяет измененное имя. Беньямин признает, что достаточно долго не осознавал особенности происшедших перемен, проявлявших себя в том числе в его имени и, естественно, в имени его любимых женщин. Теперь он подчеркивает: «Это имя — ни в коей мере не обогащение того, кого оно называет. Напротив, от образа его многое отпадает, когда оно прозвучит. Прежде всего оно утрачивает свой дар являться похожим на человека». Таким он видел Нового Ангела, размышления по поводу которого встречаются во многих его работах, а собственно образ ангела словно олицетворяет его неосуществленную попытку обрести новое, ангельское, обличье: «В комнате, где я жил в Берлине, тот, прежде чем явился на свет из моего имени, снаряженный и озаренный, прикрепил на стену свое изображение: Новый Ангел... Таким ангелом Новый и выдал себя, прежде чем захотел назвать себя» [9, S. 522]. Это был идеал, к которому стремился Беньямин, полагая, что может быть похожим на него и устанавливая тем самым, что ангел похож на человека. Но этот образ ангела был лишь тем, каким его хотел увидеть человек, а не прямым изображением женщины.

Потому Беньямин признает, что брал на себя слишком большую ответственность, отказывая ангелу в критике, и даже «опасается», что «неприлично долго лишал его гимнов», которые он обычно поет Господу, уходя затем в небытие. Другими словами, он признает, что ему не хватало критического отношения к самому себе. Затем мыслитель соглашается, что ангел ему «отплатил за это»: «Воспользовавшись именно тем, что я пришел в мир под знаком Сатурна, светила самого медленного в обращении, планеты окольных путей и отсрочек, он — и притом по самому кружному и гибельному пути — послал свое женское обличье вдогонку мужскому изображению, хотя оба они, пусть и не зная друг о друге, были однажды самыми близкими соседями» [9, S. 522].

Именно это женское обличье Шолем рассматривает как воплощение «многозначной анаграммы» Angelus Satanas. Так Сатана, по его мнению, обнаружил свою истинную сущность [3, с. 189]. Но доказательств того, что у Бенямина это именно Сатана, Шолем приводит недостаточно. Все строится на его уверенности, что в тексте на самом деле Angelus Novus выступает не подлинным именем, а подлинное имя ангела становится известно вместе с его женским обликом. Так оно выступает противоположностью мужскому. И если «мужской» Angelus Novus поет гимны Господу, то противоположность не может их петь, а таковым является только Сатана: «Явившись Бенямину в облике мужчины на картине Пауля Клее, он, чтобы свести с Беняминим счеты, послал ему вдогонку свой женский облик в земном воплощении любимой женщины. И послал, разумеется, не прямо, как исполнение большой любви, а “по самому кружному и гибельному пути”, что намекает на тяжелейшее и ставшее роковым для Бенямина стечение обстоятельств, в которое завела его так и не сбывшаяся, по сути, связь...» [3, с. 189].

Шолем прямо говорит: «Ангел — и в этом он истинный Люцифер — хотел уничтожить Бенямина своим “женским обличьем” и любовью» [3, с. 190]. Фоном представленного в тексте Бенямина сюжета Шолем рассматривает его связь с Юлой Кон: «Когда Бенямин приобрел картину Клее, он как раз находился в плену этой любви, благодаря которой, как представлено в набросках, ему — через посредство картины Клее — открылось его новое имя» [3, с. 190].

Человек, по мысли Бенямина, если он не благочестивый еврей, меняет свое имя как внутреннюю суть, и женщина часто олицетворяет эту перемену. В свете этого категоричная расшифровка Шолемом анаграммы как Angelus Satanas представляется категоричной, поскольку отношения с каждой из женщин, оказавших в разной степени влияние на жизнь Бенямина, не позволяют судить, что это был опыт сатанинского общения. Скрытую в названии «Agesilaus Santander» анаграмму можно расшифровать как Angelus Secundus, Второй Ангел.

Бенямин, представляя в ангельском обличье женщину, нигде не указывает на негативные стороны ангела. Напротив, он «опасается», что «лишал ангела гимнов», брал на себя такую ответственность определять, кто может петь, а кто нет во славу Господа. Другими словами, явленный ангельский образ показал Бенямину, что не он определяет это. В свою очередь, «когти и острые, как нож, крылья», которые, по словам Шолема, также имеет только Сатана, в эссе Бенямина даны не явленному автору ангелу, а именно Angelus Novus, пусть и с не подлинным, по словам Шолема, именем, «чья единственная роль — пропеть гимн перед Господним престолом» [3, с. 189]. К тому же у мужчины «неистощимого терпения» «крылья терпения» также «походят на крылья ангела», посланного ему [9, S. 522].

Шолем обоснованно предполагает, что в сюжете «Agesilaus Santander» отражаются конкретные страницы личной жизни Бенямина. По его мнению, формулировка второй редакции позволяет иметь в виду вполне определенных женщин, которые обладали пленительной властью над Беняминим: «Она может относиться к обеим женщинам, игравшим в его жизни — после распада брака — решающую роль: к “женскому обличью” ангела в лице Юлы Кон и в лице Аси Лацис, которая с 1924 до 1930 г. оказывала на него огромное воздействие (в особенности повлияв на его обращение к революционным идеям) и которую он не сумел завлечь к себе в плен точно так же, как более раннюю — и отчасти одновременную с этой — большую любовь» [3, с. 190].

Однако уже редакторы Собрания сочинений мыслителя обращали внимание на «новую любовь, которую Бенямин испытал летом 1933 г. на Ибице», не указывая впрочем ее имени, лишь приводя несколько писем, адресованных «юной голландке, художнице и переводчице», которую, по их мнению, Шолем в одном из своих писем 1934 г. ошибочно называет «француженкой» [7, S. 809]. Впрочем, авторы Benjamin-Handbuch считают, что даже спустя десятилетия, в момент работы над комментарием,

Шолем не знал многих обстоятельств личной жизни Бенямина, повлиявших на создание «Agesilaus Santander» в 1933 г. [16, S. 670]. Однозначно соединять работы начала 30-х гг. с событиями начала 20-х гг., как это делает Шолем, в контексте столь динамичной биографии Бенямина представляется неоправданным.

Указывая имена Доры, Юлы, Аси, можно согласиться с мнением Шолема о причинах кризиса в частной жизни Бенямина в начале 30-х гг. Именно проблемы в отношениях с этими женщинами Шолем считает мотивом для написания эссе. Однако размышления самого Бенямина о трех женщинах относятся к 1931 г., а эссе было создано в 1933 г. Насыщенная событиями частная жизнь Бенямина требует более детального изучения обстоятельств создания его текстов. В связи с этим можно вспомнить, например, об одном из мотивов его несостоявшегося самоубийства в 1932 г. — об отказе Олы Парем выйти за него замуж.

Бенямин проводил с ней свое сорокалетие на Ибице, и Ола Парем стала в тот момент для него последней возможностью удержать ускользающий мир определенностей, не только социальных, политических и даже экономических, поскольку происходило это во время Великой депрессии, но и определенностей в отношениях с женщинами, когда либо «да», либо «нет». Но Парем ответила отказом, что среди прочего и привело его к планированию самоубийства и даже к подготовке прощальных писем друзьям. В одном из них как раз отсутствие «жизни с женщиной или определенно четкой работы» [14, S. 118] он называет причиной своего решения покончить с собой. Однако Бенямин смог тогда остановиться в последний момент и преодолел депрессию от потери мира определенностей.

Женщиной, сыгравшей действительно главную роль в появлении «Agesilaus Santander» и, возможно, ставшей в тот момент Angelus Secundus Бенямина для движения в другом направлении, была Анна Мария Блаупо тен Кате. Ей он и посвятил эссе ко дню ее рождения, а потому много пишет в эссе на тему подарка [16, S. 670]. В ее лице он открыл новый тип женщины и потому ради сохранения отношений с женщинами такого типа выразил готовность быть сильным в ожидании. Он «неожиданно решил затаиться на ее жизненном пути и дожидаться, пока она больная, постаревшая, в изношенных одеждах сама не упадет ему в объятия. Короче говоря, ничто не могло истощить терпение мужчины. И крылья этого терпения были похожи на крылья ангела в том, что всего нескольких взмахов ими хватало, чтобы долго сохранять неподвижность перед лицом того, с кем решил больше не расставаться» [9, S. 522—523]. Интересно, что в первой редакции Бенямин пишет более конкретно: «Перед лицом той, которую они [крылья терпения] решили ждать» [8, S. 521].

Объяснение тому, почему ангел явился именно ему, Бенямин видит в том, что никому не превзойти его в дарении, напоминая, какое событие помогло ему проявить себя при написании эссе: «Да, возможно, ангел был привлечен дарящим, который остается пустым. Потому что и сам он, имеющий когти и острые, как нож, крылья, не собирается наброситься на того, кого он увидел. Он внимательно смотрит на него — долго, долго, потом порывисто, но непреклонно отступает назад» [9, S. 523].

Так, по мысли Бенямина, ангел достигает счастья, которого искал и сам автор эссе, а именно «...противоборства, в котором лежит восторг неповторимого, нового, еще не прожитого с тем самым блаженством повторения, обретенного вновь, прожитого. Поэтому он не может надеяться на новое ни на каком ином пути, кроме возвращения домой, когда он ведет с собой нового человека. Так и я, едва увидев тебя впервые, отправился с тобою назад, туда, откуда пришел» [9, S. 523].

Ко времени встречи с Бенямином на Ибице летом 1933 г. Анна Мария побывала весной в становившейся нацистской Германии, где была свидетельницей акций по сожжению книг, а затем проехала по фашистской Италии [15]. Ее впечатления и его переживания по поводу политических перемен в Европе могли еще больше их сблизить. Сегодня об этой любовной связи свидетельствуют четыре наброска писем Вальтера и два

его стихотворения, адресованных Анне Марии. Первое письмо было написано Беньямином в середине августа, когда он целый час сидел один на террасе с мыслями о Ней, ничего не изучал и не открывал, но думал о многом: «Ты полностью заполнила сумрак, и где огни в Сан-Антонио, там была Ты». Он замечает, что если он любил, то это была женщина «естественно лучшая, и даже единственная», но он знал, что если отрекался от нее ради другой, то «та, которую любил, была и оставалась единственной». Любовь к Анне Марии, по словам Вальтера, «другая»: «Ты то, что я в женщине мог бы любить: Ты не имеешь это, Ты скорее есть это. Из твоих черт проступает все, что делает женщину хранительницей, матерью, шлюхой. Ты превращаешь одно в другое и каждому даешь тысячу обличей. В твоей руке судьба навсегда бы перестала мне выходить навстречу. Она не смогла бы меня больше удивить никаким ужасом и никаким счастьем. Необычайная тишина вокруг Тебя намекает мне, как далеко Ты от того, что ясно домогается Тебя. В этой тишине происходит превращение обличей Твоей души. Они играют друг в друга, как волны / Шлюха и сивилла утысячествленные» [5, S. 279].

Это письмо стало наиболее ярким свидетельством любви Вальтера к Анне Марии. Остальные письма носят преимущественно деловой характер. По мотивам первого письма было написано также одно из двух стихотворений Вальтера, адресованных возлюбленной:

Твое слово длится, как твое тело;
твое дыханье на вкус, как камень и металл;
твой взгляд навстречу мне, как шар;
твое молчанье — лучшее времяпрепровожденье.

Как первому мужчине первой женщиной
явилась ты передо мною и везде
тебя встречает моей просьбы эхо
тысячи речей. Она звучит: «Постой».

Непосвященной незнакомкой
ты живешь во мне в самой сердцевине тишины,
где ни тоска, ни сон тебя не околдуют.

И больше ничего не вызовет намеренья и воли,
с тех пор как первый взгляд в тебе распознает
двойную госпожу: и шлюху, и сивиллу.

[4, S. 810—811]

Беньямин дал Блаупо тен Кате прозвище Тоэт (Тоет), что можно перевести с голландского на русский как «лик» (что связывает прозвище с сюжетом эссе, письма и стихотворения), а также как «мордашка». Впрочем, здесь, как считают исследователи, имеет место игра слов, поскольку у прозвища Тоэт есть явное родство со словом toetje, переводимым на русский как «десерт».

Однако девушка, в конце концов, не разделила полностью чувства Беньямина. В одном из писем Беньяминому от 1934 г. Блаупо тен Кате дала такое объяснение своего отношения к нему: «Я хотела бы, чтобы то, что возникло между нами, обрело бы начало и конец — устоявшись и утвердившись. Это для меня и так уже навсегда — с нашего первого разговора — почему же Вы считали, что это не так и будет не так и не видите, как удивительно хорошо то, что есть» [18, S. 98].

Возможно, эти слова были услышаны Беньямином, и он увидел, «удивительно хорошо то, что есть», поскольку его размышления о месте женщин в жизни мужчины, такого, как он, интеллектуального фланера, стали частью теоретических построений мыслителя по теме фланерства. «Нетелесность» действительно выражала суть его отношений с женщинами в 30-е гг. Можно вспомнить и общение с бывшими возлюбленными, и дружеские контакты с женами его коллег. Яркие примеры — его переписка с Гретель Адорно, а также материальная поддержка его в эмиграции со стороны многих знакомых женщин.

«Нетелесностью» своих отношений с женщинами Бенъямин давал им уверенность, что его интерес к ним обусловлен не только сексом и даже далеко не только сексом. Поэтому каждая из них была для него конкретной женщиной, а не одной из представительниц женского пола, лишь функционально привлекающей любого, пусть самого близкого, мужчину. Бенъямин был словно собиратель в отношениях с ними, находясь при встрече с каждой из женщин в постоянном поиске подтверждения своего мнения, что «история распадается на образы, а не истории» [13, S. 596], где каждый из образов — женщин — сравним был для него с отдельной книгой. Такая книга создавала, по мысли Бенъямина, широкое пространство для интерпретаций у «своего типа мужчин, которые живут за их счет и терзают их», подобно литературным критикам [10, S. 109—110].

Если Анна Мария Блаупо тен Кате позволила Вальтеру Бенъямину создать диалектический образ женщины, не просто имеющей отдельные черты, но являющейся одновременно «хранительницей, матерью, шлюхой», в себе «превращающей одно в другое и каждому дающей тысячу обличей», то отношения с ней позволили ему сформировать диалектический образ личного счастья, сочетающего «восторг неповторимого, нового, еще не прожитого с тем самым блаженством повторения, обретенного вновь, прожитого». Вместе с женщиной счастье меняет содержание, имя, заставляя меняться мужчину, но сохраняет ангельское обличие. Бенъямин нашел собственный социально-философский ответ на вопрос об отношениях мужчин и женщин, рассмотренных им в исторической перспективе, который стал органичной частью его разноплановой концепции диалектического образа.

Библиографический список

1. *Альчук А.* «Это бы очень украсило мою биографию...»: Любовь и революция в судьбе Аси Лацис, Вальтера Бенъямина и Бернхарда Райха // Гендер. исслед. 2008. № 17. С. 170—176.
2. *Смирнов Д. А.* «Женщина как товар»: Вальтер Бенъямин о проституции как показателе социального подавления в товарном хозяйстве // Гендерная дискриминация: проблемы, подходы, решения : сб. науч. ст. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. С. 96—107.
3. *Шолем Г.* Вальтер Бенъямин и его ангел // Иностран. лит. 1997. № 12. С. 186—192.
4. *Benjamin W.* An [B.] // Benjamin W. Gesammelte Schriften : 7 Bände. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1972—1989. Bd. 6. S. 810—811.
5. An Anna Maria Blaupot ten Cate, San Antonio (Ibiza), ca Mitte August 1933, Entwurf // Benjamin W. Gesammelte Briefe : 6 Bände. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1995—2000. Bd. 4. S. 278—279.
6. An Herbert Blumenthal, Berlin, 17.7. 1914 // Ibid. Bd. 1. S. 245—248.
7. *Benjamin W.* Anmerkungen der Herausgeber // Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd. 6. S. 808—815.
8. *Benjamin W.* Agesilaus Santander. Erste Fassung // Ibid. S. 520—521.
9. *Benjamin W.* Agesilaus Santander. Zweite Fassung // Ibid. S. 521—523.
10. *Benjamin W.* Einbahnstraße // Ibid. Bd. 4. S. 83—148.
11. *Benjamin W.* Ibizenkische Folge. Erster Traum // Ibid. S. 402—409.
12. *Benjamin W.* Mai — Juni 1931 // Ibid. Bd. 6. S. 422—441.
13. *Benjamin W.* Das Passagen-Werk. Aufzeichnungen und Materialien // Ibid. Bd. 5. S. 79—989.
14. An Egon und Gert Wissing, Nizza, 27.7.1932 // Benjamin W. Gesammelte Briefe. Bd. 4. S. 117—122.
15. *Gerwen W. van.* Angela Nova. Biografische Achtergronden bijj Agesilaus Santander // Benjamin Journal. 1997. № 5. S. 92—112.
16. *Schneider M.* Aufzeichnungen // Benjamin-Handbuch. Leben—Werk—Wirkung. Stuttgart; Weimar : Verlag J. B. Metzler, 2006. S. 663—679.
17. *Scholem G.* Walter Benjamin — die Geschichte einer Freundschaft. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1975. 299 S.
18. «... Wie überall hin die Leute verstreut sind ...» Walter Benjamin. Das Adressbuch des Exils 1933 — 1940. Leipzig : Koehler & Amelang CmbH, 2006. 240 S.